

Лидия
ФИТИСОВА
г. Мытищи

ХАВРОШЕЧКА

рассказ

Я помню нашу корову и не забуду.

А.П. Платонов

Телёнка деду подарил кум — от души, в знак большого уважения. По пьяни дело было. Так-то дед — мужичок с кувшин, борода с аршин — вовсе не пил, но, когда ездил в соседнее село к куму, пил, даже с удовольствием и вроде как со знанием дела. И за это кум, мужик, к слову сказать, богатый и богобоязненный, уважал его больше, чем приходского попа.

Бабка со Светкой ждали его к ночи. После «Поля чудес» начался какой-то новый сериал, и Светка вырубилась, с головой зарывшись в пёстрое домодельное одеяло. Бабка закрыла на засов дверь, пошептала молитву Угоднику и прилегла, прислушиваясь к гулкому собачьему лаю. Уже сквозь дрему ей послышалось мычание. «Почудилось, наверное», — подумала она и, кряхтя, перевернулась на другой бок. «Му-у-у». На часах было пять утра.

В окно бабка увидела деда и, состряпав хмурую физиономию, заругалась в форточку:

— Ты, что ль, мычишь, пьянчуга?

— Да вон... это... Телёнка кум отдал нам, — растерянно сказал дед, показывая под куст, где, застенчиво прижав морду к белоснежным худым коленям, отдыхал месячный телёнок.

Бабка, простоволосая, в ночной рубаше и калошах на босу ногу, выскочила во двор.

— Как отдал? На что он нам?

— Ну, откормим и продадим, — дед чесал тяжёлую с похмелья голову.

Бабка задумалась.

— Так, бери у Митрича трахтур и вези телёнка куму, поваляли дурака — будет.

— Не повезу! Обидится он. Чего ты, кума не знаешь? Он же от души...

— От наливки сливовой, скажи! Две коровы на селе — внучке молока поблизости купить не у кого. Стада нетути, хлева порядочного и того нема...

— Вот я и говорил ему, что не надо...

— Говорил он!

За освежённым ночной прохладой зелёным лугом поднималось ласковое, как телёнок, и щедрое, как сыра земля, солнце, обещая погожий день, приветствуя труд и человеческое усердие. Звонко щебетали беспокойные пичуги, наивно думая, что и сегодня они первыми приветствуют рассвет. Из курятника раздалось хоровое приветствие утра. Белый выпуклоглазый телёнок поднялся на худенькие ножки и, хлопая длинными ресницами, с интересом разглядывал ветхий низенький сарайчик. «Му-у-у-у».

— Голодный, небось? Пешком он тебя, что ли, тянул до хаты? Ну, пойдём поищем место для тебя, звездолобий! У, какой важный! — бабка ласково потрепала коричневую шею незваного гостя.

Дед обрадовался, что бабка обмякла. В хате нашлись два литра молока и отварная картошка — сожрал лупоглазый и корытце облизал розовым шершавым языком. Чего-чего, а картошки у них валом, да и молоко уже можно водичкой разбавлять, чай не новорождённый.

Дома заварили чай из вишнёвых веточек. Дед достал из-за пазухи шоколадку — тоже от кума — и бабка совсем оттаяла. Шоколадка была большая и свежая, не завалящая какая. Половину аккуратно и плотно завернули в фольгу и убрали подальше, на потом, а остальное поделили на три части. Самую большую — Светке.

— Нюр, а Нюр, телятина бишь на базаре дорогая. Продадим телёнка, по осени — какая к пенсии подмога, а не купят — так будем весь год похлёбку с мясом йисти.

Бабка вздохнула. Раз в месяц дед рубит курицу. Бабка её потрошит и делит на пятнадцать частей — на суп. Какой там навар! А мяско — внучке, пускай растёт.

— На мясо хорошо, так-то оно выгодно получается, но ты его попробуй выходи. Ты вот утром на работу на лясике уедешь, а телёнка пастишь надо. Стада-то нетути. Где ж я, старая, за ним услужу.

— А вот внучка хай за ним и глядит. Будет ей работа на каникулы, а по осени премия! — дед разудало прихлопнул ладонью по колену, мол,

здорово-то как он придумал. — Девку к труду приучать надо.

— Да что ты, я не могу, несёшь-то? Дитя ещё! Где ей справиться? — сердилась бабка.

— А где не справится, мы подсобим.

— Ты на лясике на работу уедешь — «подсобим», — закипала бабка. — А у меня ноги больные.

— А мы Светку с тобой и спросим. Све-ет! — звучно, на всю хату протянул дед, — тут шуколад тает без тебя!

Из спальни выглянуло круглое заспанное лицо. К лицу подтянулась крепкая загорелая шея, плавно переходящая в плюшевый, в розовых облаках халат. Еще через две секунды румяная, как поросенок, рослая, с крупными чертами лица девочка лет четырнадцати, крепкая и твердолобая, как капуста из подпола, за обе щёки уплетала гостинец.

— Внуча, а не хочешь ли ты поработать на каникулах? В городах молодёжь, особенно студенты, подрабатывает, рассказывают.

Фантазия внучки, обгоняя солнечный свет, устремилась в тридесятые дали. Она представила, как запускает аттракционы в городском парке. Нет, продаёт мороженое. Нет, печёт пончики и наливает чай в привокзальном кафе. Каждое утро наряжается в самое красивое, делает макияж и на автобусе едет в город...

— Хочу!

— Вот видишь, баба Нюра, Светка сама тянется к труду.

Бабка ухмыльнулась дедовой хитрости. Дед продолжал:

— Купим тебе телёнка — походишь летом, значит, за ним. Утром накормишь, на лужайку выгонишь, стойло почищишь...

Светкины мечты придавило горой свежего навоза. Ой, не макияжем тут пахло.

— Вечером домой пригонишь, посыпки ему запаришь. С этим баба тебе подсобит. И всего делов! — в планах деда, как всегда, всё легко и складно выходило. — Не работа, а курорт. Загорай себе на солнышке, пили свои ногти.

Светкино лицо скисло, как молоко, в которое забралась жирная муха. Она огрызнулась:

— «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...»

— Вот ты и будь, — строго сказал дед. И книжки свои читай, к экзаменам готовься. А то в институт не поступишь — будешь всю жизнь помы в заводской столовой драить.

— Надо мной все смеяться будут, — обиженно пролепетала внучка. — Все на каникулах гуляют, кто на море уехал, а я...

— А ты работаешь! Тебя уважать будут! — дед хлопнул кулаком по столу.

— Какая это работа, — возразила Светка.

— Такая вот деревенская работа, внучка, чай не в городе живём. Ты джинсы хочешь, как у Аньки? Вот продадим телёнка — будут тебе и джинсы, и всё, что там тебе нужно в школу. Ну?

Светка посмотрела на бабу. Та с силой тёрла содой чашки, оттопырив большой палец с расстрескавшейся, как кора старого дерева, кожей.

— А если по-другому работать? Не телёнок чтобы.

— А! Ну это можно! Купим мы тебе четырёх поросят, значит, — со стариковским задором продолжал дед.

— Не надо поросят. Давайте телёнка, — согласилась внучка, выбирая меньшее из зол.

— А бери! Иди в сарай, глянь, кто там, — довольный собственной изобретательностью, дед расцвёл как маков цвет.

Телёнок оказался хорошенькой, белой, в коричневых яблоках тёлочкой, которую Светка назвала Майкой, потому что родилась она в мае. Во лбу у неё красовалась не то звёздочка, не то цветочек, а нос был наполовину розовый, наполовину коричневый, мокрый, фырчащий. Она толкала Светку в бок своей ласковой молочной мордой, когда девочка поила её молоком — сначала из большой бутылки от «Краинки», потом уже из ведра.

Светкины представления о работе в каникулы всмятку разбились о недосып и однообразие трудовых будней. Ой, как лениво было вставать в семь утра, да ещё и в законные каникулы! Два раза баба Нюра дала ей проспать и сама накормила Майку, вывела её на луг, но дед не простил внучке такого произвола.

— А уедешь учиться, бабка за тебя на лекции бегать будет? Надо б тебе, внучка, режим дня составить. Это дисциплинирует! — Дед говорил решительно, и по голосу чувствовалось: сопротивление бесполезно.

— Да у меня и так вроде... — попыталась вставить свои пять копеек внучка.

— Листок носи и карандаш, а лучше ручку. Сейчас мы всё распишем и вот тут, на серванте, повесим, чтобы ты всегда по часам могла свои дела сверять.

— Да я... — Светка почувствовала: плохи дела, но ничего полезного сообразить не успела, а между тем дед расписывал поминутно её день своим убористым армейским почерком.

— Подъём в 7:00, водные процедуры. 7:20 — уход за подопечной Майкой... 7:45 — завтрак...

Он щедро выделил внучке два часа личного времени: в обед, когда жарко, и вечером, перед сном. Армейскую дисциплину дед уважал с молодых лет.

В молодости старик мечтал о сыне, но родилась Оля, а больше детей бог не дал. Бабка её без памяти любила, холила, жалела. Выросла девка добрая, да мягкая слишком, бесхребетная. Приехала с училища с животом как арбуз, с глазами побитой собаки. Бабка молила не трогать её, ни о чём не расспрашивать, в душу не лезть. Не лезли, дабы беды не случилось. А вишь как, от беды, видать, не уйти: роженицей померла. Бабка чуть не слегла, но как тут сляжешь с дитятком в пелёнках да с огородом по весне. Выходили малютку, Светой назвали, полюбили до смерти.

Воспитание внучки дед взял на себя, уж больно баловала её бабка. А девка пошла не в мать: бойкая, как солдатка, весёлая. Мальком ещё пухлощёким в лужу по пояс заберётся и гусей дразнит, вытянув свою толстую шею. Пш-ши-и-и! А потом бабка ей щипки гусиные зелёной мажет да уму-разуму учит:

— Светик мой! Ну ты же девочка. Ну что за игры такие у тебя!

— Бабуська, там такая водитька тёпая! А гусей я не дразнила, мы игали!

— А гусь — товарищ строгий, вишь как тебя наказал!

— А у меня уже не боит! — глаза её улыбались, сверкали, как лучики солнца в росе.

— Ай да баловница! Чтобы в лужу не лезла больше! Там бахтерии плавают — заболеешь, а то утонешь ещё!

— А тиво тогда гуси не боеют?

— Гуси бахтерий не боятся!

— И я не боюсь!

Деду по сердцу пришёлся задорный нрав девочки, и со временем у внучки появились самодельные ходули, лук со стрелами и — на зависть всем деревенским мальчишкам — настоящая тарзанка. А бабке оставалось только вовремя обновлять домашнюю аптечку да латать Светкины колготки. Бабе Нюре хотелось внучку принарядить, но и тут не обходилось без дедова ворчания:

— Что ты тащишь ей эту бабью дурь? На что ей эти кружавчики? Ты ей костюм спортивный купи с лампасами!

— Это Олино, дед. Ей уже впору, — проследилась бабка. Оля в старших классах носила — худенькая была.

Дед промолчал. Его взгляд зацепился за столетнюю герань на подоконнике: неизвестно, кто старше — его бабка или герань. Ещё когда Оля её пересаживала, старуха бубнила: «Смотри, доча, корешки-то не повреди, цветочек этот с нами ещё в старом доме жил».

— Хоть бы на один денёчек её господь нам вернул, — всхлипывала старуха, — поглядела бы на свою сиротку...

— Светка не сиротка! — рыкнул дед. — У неё мы с тобой есть. Не называй девку сиротой, запряцаю!

— Собрать-то, срядить есть кому, благословить некому, — бабка вытирала слёзы краем платка, крестясь на Угодника.

— Мы благословим. Доживём! А сиротой её не называй, Нюр.

— Да это я так, между нами, а при ней-то никогда. Да на каждый роток не накинешь платок!

— А кто другой говорит — мне скажи, я вот костыль твой возьму, а лучше таяпку, да по хребту!

Дед рьяно махал кулаком перед собой, видимо показывая, как именно он будет лупить по

хребту таяпкой. Строгое лицо его сделалось отчаянным и нелепо смешным, беззащитным.

Старуха рассмеялась.

— Перестань, дурак старый!

— А ты возьмишь тряпку мокрую да по морде им! По морде! Чтобы не лезли со своей сучьей жалостью! — Дед взял бабкину руку и начал её размахивать так, будто бьёт кого-то тряпкой.

Оба смеялись, как в молодости. А потом дед её обнял. «Ну, ничего, ничего. Ничего. Всё будет, вот ты увидишь...»

В окно шустро затарабанили, в четыре руки. Пёс не лаял — значит, к Светке подружки прибежали. Дед их недолюбливал: с виду малина, а раскусишь — дури,на!

— Баба, деда, ко мне девочки пришли, можно я пойду погуляю? — взмахнув длинным хвостом, туго завязанным на макушке, протараторила Светка.

— А ты режим свой глянь, внуча. Что там у тебя сейчас? — дед, щурясь, улыбнулся.

— Домашние дела.

— Вот и займись домашними делами. Глянь, какой чайник у нас чумазый!

— Но когда у меня личное время, они не гуляют!

— А они и не работают, и что ж теперь?

Внучка обиделась.

— А мне гордиться тем, что я телёнку посыпку в ведре запариваю и навоз чищу, пока все... — к горлу подступил ком, Светка заплакала.

— Нет, налепи на веки толчёные новогодние игрушки и погуще ресницы намазюкай, юбку — вот такую нацепи, — дед показал юбку большим и указательным пальцами правой руки, — и чеши на их сучий променад.

— Ну что ты, Николай, дурь такую несёшь! — вмешалась старуха. — Пусть сходит, развеется, что в дому-то сидеть?

— Сидеть-то как раз и не надо, а вот чайник вычистить...

Светка в окошко крикнула, что ей нельзя на улицу, и громко хлопнула форточкой. Чайник скрипел, скрежетал, клацал, звякал, гремел о медный таз, в котором его рьяно очищали от грязи.

Вечером у стойла Светка всё высказывала Майке!

— Это из-за тебя всё! Это из-за тебя он меня никуда не пускает! Живу как в тюрьме. Все надо мной смеются!

Майка жалеючи смотрела на неё доверчивыми реснитчатыми кругляками глаз.

— Ни подруг из-за тебя, ни каникул нормальных!

Тёлка задумчиво что-то жевала, то и дело отмахиваясь от надоедливых комаров. На веках у неё сидело два огромных, до отвала напившихся крови, и их никак не удавалось смахнуть.

Светке стало жалко её, и она сломала веточку липы:

— Разлетались тут, поганцы. Вот я вам! Кусают мою Маюшку!

Майка ткнула мордой тёплую Светкину руку.

— Грустно тебе без мамы, да? — Светка достала из кармана яблоко.

— Кушай, моя родная! Вот так. Хорошая ты моя!

Майка с удовольствием захрустела сочным незрелым яблоком: «Грум-грум...»

— Давай я тебя причешу, дурашка моя лохматая. Вот так!

Тёлочка прилегла на старую солому, вытянув плюшевую шею.

— Осенью они тебя продадут, Маюшка моя, — Светка плакала и обнимала телёнка, целовала его в прорезавшиеся рожки и розовый мокрый нос. — Я буду скучать.

Лето шло, росла Светкина подопечная. В тени вековой липы на мягком клевере отдыхала, подобрав под себя чистенькие копытца, розовоногая Майка. Рядом что-то читала Светка. В солнечном воздухе стрекотало, жужжало, звенело, щебетало — жило, перерождаясь из звука в цвет, из цвета — во вкус, из вкуса — в укус, из укуса — в смерть, из смерти — в жизнь, а жизнь снова и снова рождала звук.

— Му-у-у! Му-у-у-у.

— Это Тургенев написал. А я читаю Платонова.

— Что это ты, Светка, с коровой, что ли, разговариваешь? — Игорёк как с неба рухнул

вместе со своим спортивным великом. — Ну, привет, мясо! — ухарски захохотал он, хлопнув тёлочку по гладкой шкуре.

— Сам ты мясо, а это Майка! — обиделась Светка.

— А чё не футболка? Гы! Будут из тебя, Майка, славные котлеты!

— Дурак! Мы её продадим осенью, это молочная порода!

— О, будешь, Светка, богатая! Мобилу купишь? — Игорёк как бы невзначай достал из кармана свой «Siemens C65» и посмотрел время на крошечном экране.

— Мозги тебе.

— Мне мозги не надо, чё ими делать-то? Думать? Ну и много денег надумаешь?

— А кроме денег тебе ничего не нужно?

— А как же без них? Вот захочу я телёнка выпить у тебя, например, на котлеты...

— Идиот. Кати отсюда на своём велике!

— А ты чего не катаешься? Или, с тех пор как твой дед из него «хаммер» сделал, тяжело педали крутить? — поднимая за собой облако пыли, крикнул Игорёк и, ловко вырвав одной левой, свернул к дороге.

— Некогда, — вдогонку огрызнулась Светка. Ей стало обидно за «хаммер». Дед и правда изуродовал её вишнёвый велик сначала самодельным багажником, чтобы зерно возить, потом приладил корзину из проволоки на руль — для хлеба, а после вообще перекрасил его в густо-жёлтый: другой краски под рукой не было.

— Крошечка-хаврошечка!

Игорёк укатил куда-то по направлению к речке, примяв колёсами розовые мотыльковые цветы. Злой. Светка в деревне была самая рослая из девчонок и самая крупная. Ага, «крошечка».

На ночь баба обкладывала отёкшие ноги листьями лопуха и заматывала каждую ситцевым платком. Эффект, конечно, не как от дорогой мази, а навряд ли полегче. Ещё бы пояснице легче делалось от лопуха, но нет, не помогает он от огородной болезни.

— Ба, а ба? А пусть Майка у нас живёт.

— Ну что ты, внуца. Каникулы кончатся —

кто будет ходить за ней? У меня ноги больные, а дед на лясике на работу уедет...

— Но мы же её продадим? — перебила Светка.

— Продадим, если купит кто.

— А если не купят?

— Да купят, купят. Хорошие люди купят, да будет она в тёплом хлеву жить, а не в нашем — из шелей и дырок.

Свете хотелось верить бабке, но Игорёк... Вот же гад этот Игорёк!

За лето Майка подросла. У неё подросли рожки, и она то и дело хулиганила ими: то ведро с водой опрокинет, то бельё с верёвки снимет и бегаёт кентервильским привидением по двору, дурашка. Светке приходилось здорово побегать! А то ещё вот чего удумает: выдернет верёвку с колышком и удерёт от хозяйки метров на пятьдесят, повернётся к ней дурашливой, плутовской мордой и ждёт, когда та её догонит. Только Светка добежит до неё — та снова удирать. Физкультура!

К осени Майку на луг уже не выгоняли, перевели на сено — дед чутка заготовил. Огурцы тёрли и с посыпкой смешивали, тёлочке такое кушанье было что мёд. Светка пошла в школу, но в сентябре уроков у старших классов не было, потому что все ездили на картошку в колхоз. Заботу о Майке подхватила бабка.

— ...Продавать надо скотину, дед, а то застынет: сарай-то холодный, а скоро заморозки.

Объявление провисело в газете три недели. Без толку. В то время от коров, наоборот, извлеклись: то птичий грипп, то свиной, то ещё какой, «Магнитов» понаоткрывали с дешёвым молоком и модным самообслуживанием, частнику на базар хоть не лезь, а корма какие дорогие!

— На убой придётся, — решительно сказал дед. — Повезу мясо на базар. От Светы не таи, скажи как есть.

— Вот ты сам и скажи.

— Да знаю я, — сухо ответила Света, нехотая зашедшая в хату.

И больше никто ничего не говорил.

Она увидела Майку в луже бурой крови, её выпавший изо рта язык и закатившиеся круглые, уже пустые глаза в полутьме покосившегося сарая. Валялся в соломе окровавленный нож. Деда не было. В ледяном ужасе Светка убежала в дом. Задыхаясь, плакала в подушку, прятала в неё своё горячее, измученное болью лицо. Баба погладила её по голове сухой дрожащей рукой:

— Не ходи туда больше, внушка! Дед её быстро... Она не мучилась.

— Ба-ба!..

— Знаю, у деда самого на душе худо! Чай, не зверь!

Светка озлобленно рыдала, до скрипа сжав свои крепкие зубы. Но злилась она не на деда — на жизнь вот такую.

— А поросят молочных режут, а кроликов — палкой по голове... Такая вот жизнь, внушка, а жить-то как-то надо. Жалко-то оно всем! И мне жалко.

Внучку больше не трогали. Дед освежевал тушу, и до позднего вечера они с бабкой занимались разделкой мяса. Договорились с Митричем отвезти свежатину утром на базар.

В субботу удалось сторговать только половину мяса, а в воскресенье дед уже не поехал: уж больно несходно продавать: за печать ветслужбы базара заплати, за место в мясном ряду отстегни, за весы ржавые и то взяли копеечку. Цыганятам голодным опять же мяска дай, а то не отцепятся и всех покупателей распугают, да и жалко их, голодранцев. Остальное мясо засолили в бочке и в подпол убрали: холодильник у них крошечный да старый — дряхлее поповой кобылы.

Все деньги дед отдал Светке:

— Твои. Сама заработала: на что хочешь, на то и трать. А то и не трать напрасно: за пазухой грош на всякое время хорош.

— Спасибо, — девочка убрала их в кошелёк с пятирублёвыми монетками.

Странное чувство было в её душе. Её не радовали деньги, не отвращали: они были нужны.

В городе она купила двенадцать тюбиков мази для бабы Нюры, цейлонский чай, учеб-

ники в школу, сменную обувь, спортивную форму, рюкзак. На джинсы, как у Аньки, не хватило, и она купила обычные мальчишковые и попросила бабу их ушить.

Дома за обедом резко заявила:

— Мясо есть не буду.

— Тогда и борщ, внуча, не надо йисти: в нем мясо варилось, — строго сказал дед и, улыбнувшись, добавил: — А уж сколько ты в школьном супе телят слопала! За обе щеки, небось!

Света густо покраснела до самых ушей.

— Светочка, мясо надо кушать, для того-то и растят скотину-то, — стала поучать бабка.

Опустив глаза, внучка взяла ложку.

— Жизнь — она такая, девочка наша... Не-простая она, жизнь-то, да не на то глаза, чтобы текла слеза. А про слёзы ты лучше бабку спроси: она про них всё знает!

Света взглянула на изрытое морщинами безбровое бабино лицо. Добрые её глаза улыбались сквозь пелену слёз и казались младенчески беззащитными.

— Ба, ноги болят?

— А как же им не болеть, внуча! Я вон какая старая. Это ничего: дуплистое дерево скрипит, да стоит. А за мазь спасибо тебе, родная, с нею полегче!

Света тихо вздохнула. Взгляд её скользнул по маленькой кухонке, зацепился за ухоженную, густо осыпанную нежными цветами герань. Странное дело: она цвела почти круглый год!

На высоком крыльце школы перед уроками кучковались все популярные, о чем-то шушукались. Увидев Светку, Игорёк, весело подмигнув ребятам, с сияющим, как самовар в Пасху, самолюбованием протяжно спросил:

— Ну чё, Светка, продала свою корову на котлеты?

— Продала, — ровным голосом ответила Света.

В компании шушукнулись, и прокатился задорный смешок.

— А что не хвастаешься? Купила мобилу?

— Ничего не купила. На «хаммер» коплю.

Лидия Сергеевна ФИТИСОВА

окончила МПГУ им. В.И. Ленина,

живет в Подмосковье.

Пишет стихи, прозу.

Публиковалась в журнале «Дружба народов».

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2024)

в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

